

ПЕСНЯ ПОД ГИТАРУ

Он так популярен, почитаем и всеми, кажется, признан, что — подобно той картине из памятного анекдота о Ф. Г. Раневской — сам может выбирать, на кого ему производить впечатление, а на кого — нет. Он поет, а мы его слушаем тридцать лет. Его недавний, четвертый по счету, большой диск новогодней ночью, ближе к расцвету, ставили на свои фантастические стереосистемы уже не дети, а внуки тех, кто в 1956-м или чуть позже собрался вокруг допотопных, подходящих на кованные сундуки, первых магнитофонов и внимал его первым, свежим, горячим записям.

И тогда, и ныне, и для тех, и для нынешних слушателей песни Окуджавы — более чем песни: «О, как они сидят с

Тринадцати лет он навсегда разлучен был с отцом и на долгие годы с мамой, на два десятилетия изгнан с возлюбленного Арбатского двора, из Москвы, с волчьим билетом сына врагов народа; прошел войну и был ранен; первую книгу стихов, не считая тощенького калужского сборничка, выпустил в сорок; первую большую пластинку на «Мелодии» — в пятьдесят; томик «Избранного», томов премногих тяжелей, — в шестьдесят, и тогда же, в зале Чайковского, состоялся его первый официальный вечер...

Как о нем, о его песнях пишет наша пресса? Вот — наугад — выписка: «Булат Окуджава — человек-праздник. Его песни, как птицы, разлетелись во все концы света сами по себе... Окуджава — неисправимый идеа-

Окуджаву любят сегодня все? Если бы... Он позицию выбрал такую и такое поприще, что его враги, может быть, самые верные! Когда-то, когда он служил в «Литературке», тогдашнему

редактору газеты звонили «сверху»: «Это безобразие, у вас заведует отделом поэзии гитарист!» Сегодня нечто подобное звучит

со страниц молодежного журнала: «Наш модный бард-гитарист с гордостью заявил... что он учился на лирике Р. Киплинга», — и читателю тем самым предложено подыскать себе кумира с более крепкими национальными корнями. Между тем Окуджава в числе учителей называет также и Пастернака, и Аполлона Григорьева, и Пушкина, и Исаковского, и русскую частушку, и — «чтобы не соврать — «блатной фольклор», в лучших вещах»...

Окуджава — любимчик «эпохи застоя» (и такое о нем сегодня пишется)? Но самые жесткие, самые резкие, самые по-настоящему патристичные его песни созданы как раз в годы 70-е и в начале 80-х. Это нам сегодня вольно иронизировать и митинговать, а он лет десять назад спел:

Римская империя

времени упадка

Сохраняла видимость

твердого порядка

Цезарь был на месте,

соратники — рядом...

Жизнь была прекрасна —

судя по докладам...

И строки о Сталине в январском номере «Дружбы народов» за этот год — тоже не сегодня и не вчера сложены: «Он народ ценил высоко, да людей не ставил в грош...»

Спасибо поэту — не за дерзость, не за остроту и прямоту высказываний (впрочем, разумеется, и за это — спасибо!), но главное — за ту цену человеческой жизни, личности, ту реальную высокую цену, о которой он нам напоминает все эти три десятилетия.

Михаил ПОЗДНЯЕВ.

КАКОЙ СТРУНЫ КАСАЕШЬСЯ ПРЕКРАСНОЙ

неделя 1988
январь

улыбкой на устах, прислушиваясь к выкрикам из пекла!..»

Вот так в телефильме «Мои современники» сидят в Большой аудитории Политехнического, на вечере Окуджавы, без малого тридцать лет спустя, Олег Ефремов и Евгений Евтушенко, Юрий Давыдов и Марлен Хуциев, Микаэл Таривердиев и Ярослав Голованов, физики Дубны и ветераны Таганки, и безвестные, но такие узнаваемые по глазам, по улыбкам лица — все того же 1956-го призыва рядовые; иных уж нет, а те далеке (не обязательно в «географическом» смысле — в числе тех, кто в 1987-м призывает Окуджаву, вместе с Евтушенко и Рыбаковым, отправить в Сибирь, наверняка есть те, кто штурмовал Политехнический в былые времена)... «Былого нельзя воротить — и печалиться не о чем... А все-таки жаль!..»

лист, непобедимый романтик... Высшее назначение его творчества — это, казалось бы, совершенно невыполнимое желание согреть всех, обласкать, приглубить...

Подобный дамский лепет — тональность, преобладающая в статьях и интервью, созданных не одними дамами, но также и многоопытными мужами. Лишь однажды — в частном письме — я обнаружил лаконичную характеристику поэзии Окуджавы, близкую, очень близкую к истине: «Его тема — это тема Екклесиаста». Подтверждение встречаешь у Окуджавы на каждом шагу, даже буквально, дословно: «Всему времечко свое...»

Доброта. Честность. Милосердие. Любовь. Все это так, и это так бесспорно. Но вот что действительно важно в песнях Окуджавы — он никогда не

лжет, не обольщает своего слушателя. Жизнь — дело многотрудное, требующее от человека терпения и мужества. Пишет ли он роман из эпохи Николая I или стихотворение об эпохе Сталина, разговор идет все тот же: «Ты весь — как на ладони, все пули — в одного». Неисправимый идеалист, непобедимый романтик? Простите великодушно, он слишком знает все на свете цену! Его замечательная песня «Дерзость, или разговор перед боем» — наверное, и про век девятнадцатый, железный, раз герои обращаются друг к другу: «Господин генерал» и «Господин лейтенант», — но это и про ситуацию нашей обыденности, вполне мирной и бескровной, про то, как мы с вами тут вместе живем-поживаем... Беседуя со мной однажды, Булат Шалвович признался: «Мысль, которая неотступно идет за мной по па-

там, которая меня мучает все время: «Дайте человеку жить, как ему хочется, ну что вы, ей-богу...»

У Окуджавы очень редко встречаются слова «свобода», «воля» — но буквально все у него про это; и здесь он не только завету Пушкина следует, но и формуле гениального Григория Сковороды: «Мир ловил меня, но не поймал». В литгенералы он не выбился, остался рядовым. Ни разу не лауреат, никакой не начальник, он не поддался и соблазну славы иного рода, равно сомнительного... Гремил во дни празднеств сочиненный им марш из «Белорусского вокзала», а он сам отказывается спеть эту песню — хотя бы и по просьбе однопольчан! — и читает что-то совсем другое, такое, к примеру: «Гордых гимнов, видит бог, я не пел окопной каше...»

Булат ОКУДЖАВА

КУЗНЕЧИК

Юлию КИМУ

1. Ну чем тебе потрафить, мой кузнецник,
Когда твой стих пространство огласит?
Прислушаться — он от скорбей излечит,
А вслушаться — из мертвых воскресит.

Какой струны касаешься прекрасной,
Что тотчас за тобой вступает хор —
Таинственный, возвышенный и страстный —
Твоих зеленых братьев и сестер? } 2 раза

2. Какое чудо обещает скоро
Слететь на нашу землю с высоты,
Что так легко в сопровожденье хора,
Так звонко исповедуешься ты?

Ты тоже из когорты стихотворной,
Из нашего бессмертного полка.
Кричи и плачь, авось твой труд упорный
Потомки не оценят свысока. } 2 раза

3. Поэту настоящему спасибо,
Руке его, безумию его
И голосу, когда, взлетев до хрипа,
Он достигает неба своего. } 2 раза

Accompaniment

Moderato

1. Ну чем те-бе по-тра-фит, мой куз-нецник, ког-

да твой стих про-стран-ство о-гласит?

Прислу-шай-ся — он от скор-бей из-лечит,

А вслу-шай-ся — из мерт-вых вос-кре-сит.

Ка-кой стру-ны ка-са-е-шь-ся пре-крас-ной,

Что тот-час за то-бой всту-пает хор —

Таин-ствен-ный, воз-вы-шен-ный и стра-ст-ный —

Тво-их зе-лен-ных бра-тьев и се-стер? } 2 раза

2. Ка-кое чу-до обе-щает ско-ро

Сле-теть на на-шу зем-лю с вы-со-ты,

Что так ле-гко в со-про-во-ж-де-нье хо-ра,

Так звон-ко испо-ве-ду-е-шь-ся ты?

Ты то-же из ко-гор-ты сти-хо-тво-р-ной,

Из на-ше-го бес-смер-тно-го пол-ка.

Кри-чи и пла-чь, авось твой труд упор-ный

По-том-ки не оце-нят свы-со-ка. } 2 раза

3. По-э-ту на-сто-я-ще-му спа-си-бо,

Ру-ке его, без-у-ми-ю его

И го-ло-су, ко-гда, взле-те-в до хри-па,

Он до-сти-гает не-ба сво-е-го. } 2 раза

*(in tempo 2)